

РАЗБОРЪ
РУКОПИСНАГО СОЧИНЕНІЯ
М. РОГОВА

подъ заглавіемъ:

Опытъ грамматики персидскаго
языка,

составленный

Академикомъ Ф. И. Виземаномъ

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
23 Октября 1859 года.

Исправляющій долги, Непредѣльнаго Секретаря К. Весселовскій.

(Извлечено изъ Отчета Двадцать-Восьмага присужденія П. Н. Демидовымъ Награда).

1859. Спр. 167-174

Авторъ этой первой грамматики Пермьцаго языка воспользовался своимъ положеніемъ въ качествѣ лѣсничаго въ обитаемой Пермьцами части помѣстій Графа Строганова весьма выгоднымъ для языковѣдѣнія образомъ, обработавъ въ довольно скудно надѣленные ему досужіе часы это сочиненіе, результатъ многолѣтнихъ сношеній съ Пермьцами и добытаго такимъ путемъ познанія языка ихъ. Уже болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ онъ представлялъ Академіи образчикъ того труда, испрашивая ея совѣта, продолжать ли ему такимъ образомъ или не потребуетъ ли сдѣлать въ планѣ или исполненіи его работы какихъ либо измѣненій. Этотъ образчикъ былъ мнѣ сообщенъ въ то время въ Ревель и я имѣлъ случай дать ему по этому поводу нѣкоторые намеки и совѣты, а равно также на счетъ словаря Пермьцаго языка въ обоихъ главныхъ его нарѣчіяхъ надъ которыми онъ равномерно трудится.

Весьма жаль, что авторъ не обладаетъ основательнымъ школьнымъ образованіемъ, а именно знакомствомъ съ разными языками, потому что это, при его трудолюбіи и ревности къ общей пользѣ, конечно, привело бы его въ возможность составить трудъ, вполне соотвѣствующій требованіямъ науки. Но и то уже, что исполнено имъ, заслуживаетъ въ большой мѣрѣ приз-

пательности, далеко возвышаясь надъ многими подобнаго рода произведеніями людей, считающихъ себя учеными. Г. Роговъ не могъ пользоваться по своей части сочиненіями другихъ, какъ предуготовительными для себя трудами; только Зырянская грамматика Савванитова, первая на Русскомъ языкѣ, который одинъ лишь знакомъ г. Рогову, писанная грамматика языка Финской семьи, гдѣ предметъ обработанъ приличнымъ духу и свойству языка образомъ, могла, при близкомъ сродствѣ между собою обоихъ языковъ, нѣкоторымъ образомъ служить г. Рогову образцомъ въ формальномъ отношеніи.

Г. Роговъ не могъ понимать явленій Пермскаго языка иначе, какъ въ сравнительныхъ ихъ соотношеніяхъ съ Русскимъ языкомъ, потому что недостатокъ познанія другихъ языковъ препятствовалъ ему возвыситься въ этомъ отношеніи на болѣе общую точку зрѣнія, и отъ того произошло, что онъ иныя формы и особенности Пермскаго языка постигъ и изложилъ не самымъ удовлетворительнымъ образомъ. А какъ прежде представленный имъ образчикъ его грамматики сравнительно обнималъ только малую ея часть, то не мудрено, также, что данныя ему, относительно этой части, совѣты были недостаточны для всего прочаго, и что въ слѣдствіе того, продолженіе его труда также представляетъ иное, что могло бы быть лучше. Большую часть этихъ мелочныхъ недостатковъ, а именно происшедшіе отъ послѣдней здѣсь приведенной причины, можно было бы устранить до напечатанія рукописей. Умалчивая о такихъ небольшихъ ошибкахъ, которыя, вѣроятно, произошли отъ одной только описки, какъ то, напр., не одинакое правописаніе въ словахъ мун'и (стр. 4) и муны (стр. 3), ваісј и ваын (стр. 24), — укажемъ здѣсь особенно на слѣдующіе пункты, относительно которыхъ было бы желательно нѣкоторое исправленіе.

1) Весьма трудно и едва ли возможно добиться точнаго значенія иныхъ алфавитныхъ знаковъ. Авторъ такъ же, какъ Савванитовъ, образовалъ для не представленныхъ въ Русскомъ ал-

фавитъ звуковъ Пермскаго языка новые знаки, но для опредѣленія и описанія ихъ значимости естественно не могъ знать другого средства, какъ равнымъ образомъ сличеніе ихъ съ Русскими звуками. Это недостатокъ неизбежный, и проистекающій изъ самыхъ обстоятельствъ; но онъ, впрочемъ, не весьма важенъ и не рѣдокъ, потому что встрѣчается въ очень многихъ грамматикахъ.

2) Такъ какъ, по примѣру Савваитова, *j* служитъ вмѣстѣ и согласною буквою и знакомъ смягченія, то желательно, чтобы при этомъ чаще и съ строгою послѣдовательностью былъ употребляемъ апострофъ въ качествѣ отдѣлителя слоговъ. Авторъ пишетъ, напр., пурт'jes, множественное слова пурт (ножъ), и кѡк'jамыс (восемь), почему бы не писать также пел'jen и тому подобныя слова? ибо пел'jen безъ отдѣлителя слоговъ можно было бы читать пел-jen, пел'-jen или пел'-ен, смотря по тому, начнешь ли второй слогъ съ третьей, четвертой или пятой буквы, и уже требуется знаніе языка и его этимологіи, для того чтобы удостовѣриться въ томъ, что только послѣднее произношеніе вѣрно.

3) Нужно было бы точнѣе опредѣлить отношеніе гласной *e* къ условному знаку *j*. Русскія *я* и *ю*, сдѣлавшись излишними по введеніи знака *j*, по справедливости, не включены въ Пермскій алфавитъ; но и гласная *e*, если она, по сказанному на стр. 2, имѣетъ такое же произношеніе, какъ на Русскомъ, также включаетъ въ себѣ *j*. Такъ, напр., въ словѣ ен (Богъ) *e* съ Русскимъ выговоромъ должно бы было звучать такъ же, какъ въ слогѣ jes (окончаніе множественнаго числа) или во второмъ слогѣ слова кіен (рукою), какъ въ кіjes (руки). И такъ къ чему же здѣсь служить различное правописаніе?

4) При расположеніи падежей лучше было бы вовсе отдѣлить двойныя формы 7-го и 10-го, особенно потому что одна изъ формъ 7-го и 10-го уже и безъ того приведена самостоятельно. Эти двойныя формы соотвѣтствуютъ такъ называемымъ внутреннимъ и вѣшнымъ мѣстнымъ падежамъ Финскаго языка, а обѣ формы 9-го падежа напр. мортысј (изъ человѣка) мортвісј (о

человѣкъ) уже принято считать за два различные падежа (исходный и отдавательный).

5) При классификаціи именъ прилагательныхъ причисле было бы отдѣлить отглагольныя прилагательныя и причастія и причислить ихъ къ глаголу.

6) Употребленіе окончанія третьяго лица единственнаго числа въ качествѣ опредѣлительнаго не вѣрно дознано, чего и нельзя вѣнчать автору въ вину, по тому что на Русскомъ нѣтъ ничего тому соотвѣтственнаго и онъ не могъ знать о дальнѣйшемъ распространеніи этаго употребленія въ Финскомъ семействѣ языковъ и даже еще за предѣлы его. Скорѣе можно удивляться тому, что онъ довольно близко подошелъ къ истинѣ тамъ, гдѣ онъ сравниваетъ это опредѣлительное окончаніе съ придаточнымъ русскимъ указательнымъ *то*. Привявъ въ соображеніе вышеупомянутое употребленіе личнаго знака, можно было бы устранить множество формъ указаніемъ на общее ихъ происхожденіе отъ придаточнаго опредѣлителя и тѣмъ самымъ весьма упростить дѣло.

7) Такъ равнымъ образомъ слѣдовало бы уменьшить и число послѣсловій, исключивъ тѣ формы, которыя произошли только отъ прибавленія личнаго знака изъ другихъ послѣсловій.

Большая часть этихъ вообще не весьма важныхъ недостатковъ легко можетъ быть устранена еще до напечатанія сочиненія, а не такъ легко устранимые столь неизбежно основаны на образѣ воззрѣнія, соединенномъ съ природнымъ языкомъ, что едва ли можно получить грамматику какого либо Финскаго языка, составленную авторомъ говорящимъ только по Русски, свободную отъ этихъ недостатковъ. По этому то я полагаю, что тутъ не заключается никакого препятствія къ присужденію Пермской грамматикѣ Г. Рогова награды. Это сочиненіе есть не только плодъ многолѣтнихъ добросовѣстныхъ трудовъ, но и дѣйствительное обогащеніе языковѣдѣнія, потому что доставляетъ полное понятіе о языкѣ, о грамматикѣ котораго до-

селѣ не было почти ничего печатнаго, да и въ рукописи имѣются только неполныя замѣтки покойнаго Шёгрена въ Академической Библіотекѣ. Весьма полезное приложеніе къ грамматикѣ составляютъ еще на двадцати слишкомъ страницахъ образцы языка различнаго содержанія, отчасти разговоры или переводы, отчасти же подлинники въ загадкахъ, пословицахъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ и этотъ второй отдѣлъ рукописи соединяетъ въ себѣ вмѣстѣ съ лингвистическимъ интересомъ также значительный интересъ этнографическій.

Разборъ сочиненія обыкновенно ограничивается только имъ однимъ, отнюдь не касаясь автора, и еслибы я не считалъ труда г. Рогова уже самаго по себѣ заслуживающимся награды, то, конечно, не позволилъ бы себѣ замѣнить его недостатки возбужденіемъ участія въ пользу автора. Но въ предлагаемомъ случаѣ я полагаю по справедливости дозволеннымъ присовокупить здѣсь также кое что о личныхъ отношеніяхъ г. Рогова. Онъ состоитъ въ крѣпостномъ званіи и, не смотря на всѣ свои усилія, до сихъ поръ еще не успѣлъ изъ него освободиться, а посему тѣмъ болѣе заслуживаетъ признательности то, что онъ въ этомъ тѣсномъ положеніи, при скудномъ своемъ школьномъ образованіи и почти исключительныхъ сношеніяхъ съ грубыми, еще весьма далекими отъ образованія людьми, не совсѣмъ огрубѣлъ, а напротивъ того, еще сохранилъ въ себѣ любовь и столь постоянную ревность къ умственнымъ занятіямъ. Еслибы мнѣ удалось склонить моихъ сочленовъ къ присужденію ему награды, то при этомъ для него особенно желательна, не столько денежная выгода, сколько то, что такое признаніе его усилій возвысило и подкрѣпило бы его нравственно и оказанное ему отличіе не мало бы содѣйствовало ему къ достиженію возжеленной, но доселѣ еще недоступной ему свободы, обративъ на него вниманіе и участіе его господъ. А сверхъ того присужденіе г. Рогову преміи было бы еще новымъ поощреніемъ для инаго, находящагося въ его же положеніи, воспользоваться представляющимся ему случаемъ къ сношенію еще мало из-

вѣстными народами для подобныхъ же трудовъ въ пользу языковѣдѣнія. Невозможно нынѣ же вездѣ употребить людей съ лингвистическимъ образованіемъ, которые были бы въ состояніи, принявшись за разработку того или другаго еще мало извѣстнаго языка, сейчасъ составить что либо во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительное. Если бы мы добыли для языка Юкагировъ, или Чукчей, или Камчадаловъ или Гиляковъ грамматику, хотя бы въ четвертую долю хорошую и полную въ сравненіи съ подлежащею Пермскою, то уже это можно было бы почесть большимъ выигрышемъ для языковѣдѣнія, потому что, перешедъ въ дѣльныя руки, она легко освободилась бы отъ какихъ либо формальныхъ недостатковъ и могла бы сдѣлаться пригодною къ употребленію. Не должно прилагать одинакое мѣрило критики къ грамматикѣ уже давно извѣстнаго и воздѣланнаго языка, каковы Русскій или Латинскій, и къ такой, которая отвергаетъ языковѣдѣнію совершенно новую область. И здѣсь, конечно, такъ же, какъ и на крайнихъ предѣлахъ воздѣланныхъ странъ, весьма кстати пользоваться такъ называемыми скваттерами или починщиками которые, впервые проникая въ еще незатронутую первобытную чашу мѣсовъ, пролагаютъ путь послѣдующей образованности, которая потомъ уже въ свое время замѣнитъ грубыя одиночки болѣе удобными жильями.